

ПО ДОРОГЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРИМИРЕНИЯ

*По афганской земле мы прошли, старый друг,
Под разрывы потерь, под прицелом разлук.
Вспомним снова Кабул, Меймане, Кандагар,
Веру в верных друзей и сердца наших жар!*

Моей командировке в Афганистан предшествовала двухлетняя теоретическая и практическая подготовка на специальных курсах в

г. Ташкенте. Страноведение, языки народов Афганистана, религиозные особенности ислама, оперативная обстановка и многое другое занимали наше время без остатка. Понимали, куда едем. Да и прелести Узбекистана – человеческое уважение и открытость, национальные мелодии и танцы, древние базары и мечети, красивейшие Самарканд и Бухара – незаметно делали из европейцев азиатов. Чем больше я узнавал Восток, тем сильнее в него влюблялся.

1 сентября 1985 года советский самолет доставил меня и моих друзей в Кабул – город контрастов. В Советском представительстве КГБ СССР в Демократической республике Афганистан всех советников распределили так, как и предупреждали в Москве: москвичей - в столицу, территориалов – в провинцию. Я со своим свердловским другом Филипповым Александром был направлен советником по линии министерства госбезопасности ДРА в провинцию Фарьяб, центр - г. Меймане, на афгано-советскую границу напротив Туркменистана.

Город Меймане встретил нас жарой, пылью, безводными арыками, теплой встречей с афганцами, сладким пловом, полными кружками чая и трудностями языкового общения. Одно дело разговаривать в учебной аудитории, а другое – в большой компании. Тем более, что таджики, узбеки и туркмены говорят с большими особенностями.

1985 год – это год провозглашения в Афганистане политики национального примирения. Большое программное выступление Бабрака Кармаля, публикация программы в газетах, партийные и государственные установки – все было хорошо организовано. Советническим группам на местах – партийным, молодежным, армейским, милицейским и государственной безопасности – вместе с афганскими партнерами нужно было претворять эту задачу № 1 в жизнь. И это после 6 лет вооруженной гражданской войны!

Основная часть сотрудников госбезопасности провинции Фарьяб понимала, что национальное примирение необходимо, но вот с кем и насколько – это вопрос. Думали и принимали решения вместе. Во-первых, стали выбирать из разномастных душманских отрядов тех, кто не запятнал себя кровью, кому надоело противостояние с народной властью; во-вторых, согласовывали со всеми инстанциями условия перехода отрядов на сторону народной власти, в-третьих, включали родственные, партийные и религиозные связи для убеждения и принуждения руководителей отрядов к национальному примирению; в-четвертых, организовывали поездки делегаций трудящихся в Советский Союз и другие эффективные мероприятия.

Одна из таких поездок была организована народной властью и советническими аппаратами в Туркменистан. В состав делегации включили представителей губернаторства, партийного комитета НДПА, дехкан, учителей и духовенства. Увиденное и услышанное в Таджикистане вызвало ... недоверие. Наиболее сомневающиеся попросили разрешение самостоятельно посетить дома туркмен и поговорить с ними, и такое разрешение было дано. Все вопросы делегатов сводились, в общем-то, к одному: неужели это Ваше? Естественно, и дома, и земля, и машины принадлежали обычным советским труженикам. Реакция афганцев была восхищенной: «Баи!».

В провинции Фарьяб первые результаты политики национального примирения появились очень скоро. Уже в сентябре 1985 года группа

мятежников численностью 25 человек во главе с Голь Ахмадом перешла на сторону народной власти. Торжественная церемония прошла во дворе губернаторства. Группа вчерашних душманов построилась в шеренгу, положила на землю автоматы, произнесла клятву служения народу, а затем получила это оружие для защиты народной власти провинции. Цветы, аплодисменты, поздравления и всеобщая радость сопровождали это торжество. Практически в полном составе эти люди стали бойцами оперативного батальона Управления МГБ провинции Фарьяб, были поставлены на довольствие, одеты в форму, стали получать деньги за службу.

В других случаях находились иные варианты устройства бывших мятежников: передача им под охрану дорог, заключение договоров о сотрудничестве с народной властью, защита их кишлаков от непримиримых душманов.

Особенно запомнилась длительная, напряженная, полная то успехов, то поражений работа с душманским отрядом во главе с сильным и мужественным вождем, узбеком по национальности, по переводу этих заблудившихся людей на сторону народной власти. Своеобразно и очень интересно был установлен оперативный контакт между вождем и начальником Управления МГБ провинции. В процессе переговоров потребовались гарантии. На следующем этапе к переговорам подключился старший советник, руководитель нашей оперативной группы Виктор Анохин. Надо заметить, что вся работа в провинциальном городке, где все друг друга знают, велась на хорошем уровне конспирации. Например, я узнал об этом уже перед подписанием документов и встречей с руководством бандформирования в расположении нашей опергруппы.

В результате общих усилий целый район провинции Фарьяб оказался свободным от войны, свободным для торговли, свободным для передвижения и общения людей.

Однако, внутреннее колебание узбека, происки завистников и врагов, недостатки в экономической и идеологической поддержке его рода с нашей

стороны привели к тому, что вождь расправился с ненавистными ему «контролерами» и отказался от договора с властью провинции Фарьяб.

Губернаторство, партийное руководство НДПА, сотрудники МГБ и МВД, советнические аппараты не сдавались, в тяжелейших условиях исправляли ошибки, работали персонально для того, чтобы вернуть ушедших людей.

Шло время. Успехи политики национального примирения стали существенными, освободилась дорога до города Андхой, что на границе с СССР. Под влиянием объективных и субъективных факторов узбек снова вышел на контакт с Виктором Анохиным, был, как говорится, прощен и перешел на сторону народной власти. В доказательство своей преданности привел с собой - кого бы Вы подумали? – французских журналистов. Надо полагать, сотрудников спецслужб. Они жили в расположении нашей оперативной группы, общались с нашими советниками на афганском языке и были рады, что все так удачно закончилось.

Не знаю, как сложилась в дальнейшем судьба этого узбека, уцелел ли он в вихре нашествия талибов? Но жизнь его удивительным образом напоминает мне судьбу шолоховского героя Григория Мелехова, мятущегося в поисках лучшей жизни.

Второй важнейшей задачей оперативной группы советников было формирование, вооружение, обучение и применение Оперативных батальонов МГБ Демократической республики Афганистан.

Все понимали – готовится вывод Советских войск из Афганистана, вооруженной опорой народной власти должны стать эти батальоны. В центре была подготовлена законодательная база, выделены денежные средства, назначены ответственные по советской и афганской линиям. 10 Отдел и отдел кадров Представительства КГБ СССР настойчиво вел это направление, еженедельно требовал от нас конкретных отчетов: что сделано, что построено, сколько зачислено на службу?

Отмечу, что куратором северных провинций был наш земляк полковник Лях Анатолий, отслуживший в Афганистане без малого 5 лет. Я смотрю на наше фото и вспоминаю строки:

Мы с тобою присели на афганскую землю

Два ростовских чекиста, земляка, футболиста.

Словно знали науку – в Меймане не до шуток,

Если что – можно лечь, если надо – то бечь.

Подобрали очень хорошее место для строительства военного городка для оперативного батальона, пригласили шахрволя (мэра) города Меймане с предложением передать земельный участок Управлению МГБ.

Шахрволь принес земельную карту, утвержденную еще королем Даудом, выбранный нами участок принадлежал непосредственно городу и частного владельца не имел. Шахрволь, с которым проведена сотня вечеров, съедена гора плова, выпита тысяча чашек чая, вдруг превратился в непреступного чинушу, отвечавшего на все наши доводы о том, что Дауда Аллах прибрал к себе, что защита народа - святое дело, отвечал отказом: «На мишавад», что по-русски означает «не пойдет». Пришлось действовать через Кабул.

Поистине всеафганской стройкой стало возведение военного городка для оперативного батальона. Стены строили из самодельного необожженного кирпича, окна и двери строгаили из тополей, растущих в этих местах. Но какой чистый, красивый и добротный получился городок!

Примером для афганских и советских сотрудников являлась деятельность оперативного батальона МГБ провинции Джоузджан, который возглавил молодой, сильный и умный Рашид Дустум. Батальон первым в Афганистане сформировался как боевая единица, самостоятельно выполнял задания в других провинциях. Я познакомился с Дустумом в 1987 году в провинции Кандагар, где батальон деблокировал целую дивизию афганской армии, не имел потерь, заслужил положительную оценку генерала армии В.И.Варенникова.

Вспоминается, что в эту пору была в моде песня В.Леонтьева ... «три минуты, три минуты – это много или мало...». Она наилучшим образом отражала наше состояние аврала, желания сделать как можно больше. Работали с утра и до ночи, пока не отключали свет, а часто и по ночам при лампах и при свечах.

В Меймане я впервые попал под обстрел реактивных снарядов душманов. Никакого грома, никакого свиста и вдруг – взрыв около радиной машины. Подумалось, что лопнули колеса. Потом из-за дувала поднялась пыль, и резко подуло ветром. И только когда в наше помещение побежали собаки, дошло, что это обстрел. Видимо, на всех войнах первыми гибнут необстрелянные, потому что в головах-компьютерах нет такой информации об опасности. И действительно, при втором и третьем обстреле я мгновенно лежал в арыке или за стеной. И даже начинал понимать, что мины уже пошли по улице дальше, и нет смысла вообще куда-нибудь бежать.

Из всех подсоветных подразделений я больше всего любил бывать в идеологическом отделе и, особенно, в отделении по работе с духовенством. Мы начинали уже подкалывать друг друга, говорить на самые разные темы. И вот однажды начальник отделения спрашивает: «Товарищ советник, а может быть у Вас есть вопросы по Корану?». Я ответил, что есть вопрос. При этом все отделение повернулось к нам. Вопрос заключается в том, что мусульманину в месяц поста запрещается с рассвета до заката пить, есть и прочее. А как быть мусульманину в России, где в северных широтах ночь длится до шести месяцев в году? Долгое время все Управление МГБ было занято поиском надлежащего ответа. С тех пор вопросы по Корану мне не задавались.

Не только работой жили советники, а и ходили на свадьбы к подсоветным, приглашали в гости к себе, вместе отмечали советские, афганские, религиозные и личные праздники. Играли в волейбол и футбол, несли друг другу подарки, детям - обязательно конфеты. Взаимоуважение перерастало в дружбу.

Бросалась в глаза бедность народа: оперработник не мог жениться, так как не хватало денег на выкуп невесты, нередко можно было увидеть, как до самой зимы дети ходят по улице босиком. Начальник Управления МГБ и Секретарь Комитета НДПА жили скромно. Например, все попытки советников и руководства МГБ склонить начальника Управления к переселению в отдельный дом, который будет куплен за счет государства, прерывались словами Хакима по-русски: «Не можно. Что скажут люди?».

Очевидно стремление афганцев к лучшему. Работают школы и училища, во дворце культуры полно народу, действуют молодежная и женская организации, большинство специалистов прошли обучение и стажировку в Советском Союзе.

А каковы они, мои друзья и товарищи – советники КГБ СССР? Прежде всего, это опытные оперативные работиники, обязательно добровольцы, со знанием языка страны пребывания, прошедшие страноведческую подготовку, женатые но не многодетные, владеющие оружием, автомашиной и прочее. Советник – это оперативный и политический учитель, руководитель и координатор в деятельности сотрудников МГБ. И, очень важно, это представитель Союза ССР!

В июле 1986 года с большой неохотой, покидая советских и афганских друзей, я прилетел в Кандагар на новое место службы. Поразила дикая жара днем и ночью! Но спасали новые друзья. Одному из них, Тимофееву Андрею, я написал благодарные строки:

Тот мучительный зной так засел у меня в голов,

Что забыть не могу до конца своей жизни.

Ты вернулся с работы в грязи и пыли, но как бог в Кандагарской пустыне!

И спас от бесчувства и жажды.

Да, обстановочка здесь другая! Пакистанские лагеря рядом, до СССР далеко. Передвижение только группой, только по колее, только до 16 часов. Советские войска так сильно втянулись в войну, что окончательно и бесповоротно испортили отношения с пуштунами. Кандагар похож на

Сталинград! Но самое главное отличие от северных провинций – это отсутствие единства среди самих афганцев, отсутствие сильного ядра для сплочения.

Политическое руководство СССР и ДРА уже приняли решение о выводе советских войск из Афганистана. Готовились женеvские соглашения между СССР и США о невмешательстве во внутренние дела ДРА. В этой обстановке разногласия в руководстве были крайне опасными. Например, представительство КГБ в ДРА ориентировало нас на твердое и последовательное проведение политики национального примирения. Я, на примере провинции Фарьяб, был уверен в правильности этой политики, ведь она давала положительные результаты афганскому и советскому народу. Но в зоне Кандагар у нас мало что получалось. Ведем переговоры с бандами, заключаем с ними договоры о мире и получаем за это благодарность от руководства КГБ. В это же время военной руководством требуется от своих войск активных действий против непримиримых банд, нанесения бомбоштурмовых ударов, проведение операций и за это награждает летчиков, артиллеристов и мотострелков. Естественно, под удары попадают и наши сторонники. Банды, перешедшие на сторону народной власти, отказываются от мира и бьют военных.

Достается и советским солдатам и офицерам. Так, 8 декабря 1986 года наша опергруппа работала в Управлении МГБ провинции Кандагар. Около 10 часов по городу Кандагару советские бомбардировщики нанесли один удар за другим в течение 40 минут. У нас один советник контужен и другой легко ранен. Руководитель опергруппы Сазонов Игорь звонит на КП советских войск, но там только один сержант, кто бомбит – он не знает. Вечером пытаемся выяснить причины произошедшего. Командование ВВС категорически отрицает причастность советской авиации к бомбардировке: «Это афганцы!». К ночи начинают поступать раненые и контуженные из числа советских военнослужащих. Наконец-то командование признается, что

летчики эскадрилья, прилетевшие из Шинданта в Кандагар для нанесения БШУ, ошиблась.

Много сил было положено советнической группой для создания оперативного батальона провинции Кандагар: подобрали здание, отремонтировали его, одели и вооружили бойцов. Сразу стало спокойнее на въезде в город. Это же позволяло быстро и точно реализовывать оперативную информацию. Существенно сократилось число «липовых» сообщений, и повысилась эффективность оперативной деятельности Управления МГБ.

Но враг не дремал, в состав оперативного батальона была внедрена группа непримиримых душманов, которая однажды ночью перестреляла руководство и часть бойцов батальона, захватила оружие и скрылась.

Тем не менее, альтернативы политике национального примирения не было. Ее правильность подтверждена успехами правительства Наджибуллы – выдающегося афганца. После вывода советских войск на сторону народной власти перешло до 80 % населения и территории Демократической республики Афганистан. И только иностранная интервенция талибов, организованная с позиций Пакистана при помощи мировой реакции в нарушение Женевского договора взорвала мир в Афганистане.

*Диваев Александр Павлович, оперативный сотрудник
Управления КГБ СССР по Ростовской области,
ныне директор Некоммерческого партнерства ветеранов
органов государственной безопасности «Комитет»*